

Анна Ретеюм

ГДЕ-ТО ВЫШЕ — НАД ДОЖДЕМ

МОЙ ВЕТЕР

С этим ветром ничто не сравнится, он горячий и шквальный — он мой, дайте ж песней его насладиться в колыбели казачьей, степной. Дух его никогда не остынет, принимая в ладони, любя, и меня, как тростинку, обнимет вольных предков земная судьба. Здесь они, во степи этой чистой, хлеб растили и малых детей, и в порывистых гулах и свистах пили силу — из Божьих горстей.

МАЛАЯ РОДИНА

Ни города не любишь, ни деревни, и только землю родиною зовешь, и с каждым годом ближе, откровенней навстречу к ней, единственной, идешь. Как близнецы, по мановенью неба, внезапно отделившись от Творца, степей летящих золотые недра и жизнь твоя — едины до конца. Травинка ты и дерна лишь крупица, покуда зреет дух в раскатах гроз, ты сердцем уж готова раствориться в несметной чистоте заветных рос...



Анна Борисовна Ретеюм (Круглова) родилась в городе Балашове Саратовской области. Окончила Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н. Чернышевского, аспирантуру Московского государственного педагогического университета. Работала редактором, дизайнером, преподавателем русского и английского языков. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная» и др. изданиях. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат сайта «Российский писатель», Всероссийских поэтических конкурсов им. А.С. Грибоедова, им. С.А. Есенина, премии им А.П. Платонова «Умное сердце» и др. наград. Член Союза писателей России.

ПОГОСТ В СТЕПИ

Земля могильная сухая, не принимаются цветы,
степные ветры, не стихая, пылят на новые кресты.
Внизу, за кладбищем — долина, где древняя река текла,
и с легкой мощью исполина провалом землю рассекла.
Сухое русло — миллионы непостижимых лет назад,
а тут — поддельные пионы и веры восходящий сад...

* * *

Не забыты и не брошены,
просто пасмурно, дружок,
сапогами да галошами
месим месиво дорог.
Словно цапли осторожные,
мы шагаем в эту грязь,
эх, утробушка дорожная,
как разбухла, раздалась.
Не печалься растревоженно,
и в глуши не пропадем,
ведь дорога наша сложена
где-то выше — над дождем.

* * *

На портале регистрироваться,
в цифровой нырять поток,
хитро виртуализироваться,
электронный брат квиток...
А к Творцу Вселенной — запросто,
и портал — в груди, внутри:
говори как есть, не заперто —
сердцем, сердцем говори.

* * *

Ты носишь лицо и перчатки
и долгий классический крой —
но даже по этой повадке
не выяснить, кто ты такой.
Растет человек и вершится
внутри, в мастерских потайных,
и может такое случиться —
себя превзойдет, остальных.
Но чаще за милой повадкой,
под брэнной усталостью век

живет одиноко, украдкой
не ставший собой человек.
Не бойся, никто не узнает,
что ты лишь набросок, картон,
что вечный твой лик ускользает —
никто не узнает о том.

* * *

Я не знала, что верность — пространство,
тонкий-тонкий, но зримый пейзаж,
протяженного луга убранство,
горизонта разлет — только наш.
По земле я ступаю по брэнной,
но в пространстве ином нахожусь —
что мне кажется шире Вселенной,
и сама я вселенной кажусь.

МГНОВЕНЬЕ

Лишь солнце на твоей войне
проглянет юрко,
ты — ящеркой на валуне
с зеленой шкуркой,
мгновенье ловишь тишины,
живого света,
а, может, скорби и нужны —
на это?..

* * *

Не бряцай нарядными словами,
дух не знает грубой суеты,
в тростнике меж долгими стеблями
чутко веет — вслушайся и ты,
на вершине тополя струится,
плещется в зеркальных бликах он,
паруса вздымает и томится
на исходе царствий и времен...
Костенеет вычурное слово,
не позволив сердцу воспарить,
но любви живой первооснова
может камни одухотворить.

* * *

Природа подползает по-пластунски —
дорожки заросли, и ткуются спуски,
и дикий плющ петляет там и тут.

Твой взгляд уж не ласкают ивы эти,
огромные, но безразлично ветер,
как память детства, у реки метут.
Нет сил у человека на сражение
с неведомою кротостью сближенья —
и тянут руки травы и кусты:
тебя мы успокоим, успокоим,
недолго слыть тебе царем, героем,
ковыль твои наследует черты...

* * *

Вот и травы мои как бывалые,
а ведь от роду им двадцать дней:
резким ливнем еще не сбивало, и
солнце только влекло от корней.

Вешней волей они разохотились,
но как будто усталость веков
в предвечерней немой позолоте их
придавила — что пепла покров.

Может быть, стебельки пустотелые
горькой влаги хватили, войны? —
плачут травы земли поседелые,
из чего, осознав, рождены.

ИЗ ПОЕЗДА

Какая серая дорога,
какие домики прижатые —
глядят под насыпью убого
сырыми досками-заплатами.
Штрихует дождь забор наклонно,
железо по железу катится,
ну а пейзаж твой законный
с капустой в огороде пятится.
И элеватор марсианский,
и кладбище вдали, низинное —
больные, пасмурные краски,
и лишь подсолнухи картинные.

* * *

По спелому лугу, вечерней росе,
по вольной, по средней твоей полосе
туман поднимается, густо звенит
незримых сверчков серебристый зенит.

Зубчатых надкрылий тончайшая трель
и звездному небу угодна, поверь,
их трепетом бурая степь налилась,
и ты здесь, душа, неспроста началась...

* * *

С другими сравнивать привычка
себя — сколь годен и горазд —
смешна: пожалуй, и синичка
любым солистам фору даст.
Уж если хочется сравнений,
ты на деревья, птиц гляди —
какие стойкость и смиренность,
какая музыка в груди;
сравни себя с высоким небом,
с Полярной чистой звездой
и, проиграв в сравненье этом,
не измеряй людей собой.

* * *

Даже если ты в космос взлетишь —
никого это, в общем, не тронет,
и поэтому стой, где стоишь,
упираясь мечтой в подоконник...
И поэтому просто служи
тем, кто дан тебе ближними свыше:
хороши или не хороши —
разве Доктор плохое пропишет?
Улетай на глубины свои
недоступно для зрения, слуха.
Просто делай, люби и живи
свыше данной тебе силой духа.